

ЕЛЕНА ГОВОР

МОЙ ТЕМНОКОЖИЙ БРАТ

Елена Говор — историк и писатель, окончила Минский институт культуры, затем работала в отделе южно-тихоокеанских исследований Института востоковедения АН СССР, специалист по истории русско-австралийских связей. С 1990 года живёт в Канберре. Здесь она стала доктором философии, защитила диссертацию. В 2000 г. русская австралийка Елена Говор написала книгу «Мой темнокожий брат: история Ильиных, русско-аборигенской семьи», в которой рассказала историю этого семейства — от Николая Ильина, непрактичного, но пассионарного главы первой русской колонии на севере Квинсленда, до современных представителей, не только помнящих о своём русском происхождении, но и защищающих интересы аборигенов. Биография, история, отчасти детектив, книга Елены Говор произвела значительный резонанс в Австралии: крупные австралийские газеты напечатали не просто рецензии, но развёрнутые аналитические статьи. Был снят двухсерийный фильм по сюжету книги под названием «Пионеры любви».

Специально для «АМ» Елена Говор переводит на русский язык свою книгу, вышедшую в свет по-английски, *My Dark Brother*. Семья русских иммигрантов Ильиных, поселившись в Австралии в 1910 году, крепко связала свою судьбу с австралийскими аборигенами. Начало публикации русского варианта книги в «АМ» — № № 9–19, 21–22. Текст предыдущих глав, опубликованных в «Австралийской мозаике», можно найти на сайте Елены Говор — <http://elena.id.au>.

Мир Китти**РУССКИЙ КУЛЬТУРНЫЙ ГЕРОЙ
НА АВСТРАЛИЙСКОЙ ЗЕМЛЕ**

«В те времена Леандро и Китти жили в Бутчерс Крик, в 1918 году Китти родила своего третьего ребенка, все дети её были полукровками, как их называли белые. И был тогда мистер Блэкли, протектор аборигенов, который хотел выслать всех полукровок на Палм Айленд. Это Леандро и Китти совсем не улыбалось. И вот однажды они оба вышли из Бутчерс Крик и пошли вдоль реки Расселла, вниз по течению; на дороге они не выходили, потому что боялись, что их поймут. Они остановились на ночь в Во Покет, а рано утром на следующий день они снова отправились в путь. Так они дошли до Иннисфейла, и когда они туда пришли, они отправились прямо в суд и там поженились. Видя, что они поженились, Блэкли уже не мог тронуть их детей, он больше ничего не мог с ними сделать и не мог выслать их на Палм Айленд».

Так записала историю брака Леандро и Китти их внучка Лилан Иллин; она услышала эту историю от своего отца Гарри в начале 1990-х годов, когда она ещё училась в школе. Сын Гарри, Алек, рассказал мне аналогичную версию этой истории, где также в центре повествования был «путь вдоль реки Расселла». Когда я разговаривала с самим Гарри, в июле 1996 г., он повторил эту же историю почти дословно:

«Они охотились за моей матерью, потому что она родила ребёнка от моего отца. Они хотели поймать её, прежде чем она выйдет замуж за моего отца, и отправить её в миссию. Мой отец сказал: „У неё мой ребёнок“. Они отправились из Бутчерс Крик и пошли вниз, вдоль реки Расселла. Они дошли до Во Покет. Они остановились там на ночь, встали рано утром, дошли до Иннисфейла и поженились там в суде. Они не могли тронуть её после этого».¹

Этот лаконичный текст переносит нас в иную систему повествования, которая напоминает архаичный миф о двух культурных героях — мужчине и женщине — которые, во время своих странствий, создают новую жизнь и новый мир и побеждают зло. Более того, для мифологии аборигенов характерно, что странствия культурных героев связаны с различными элементами окружающего их ландшафта, которые сакрализуются в верованиях их потомков. Детали, иррелевантные² с современной европейской точки зрения, — «Они дошли до Во Покет. Они остановились там на ночь, встали рано утром...» — приобретают в этом повествовании мифологическое значение. Слушая его, мы как бы по существу присутствуем при рождении мифа. Если бы эта история сохранилась в семье в традиционном обществе, то уже через несколько поколений это привело бы к сакрализации ландшафта, упомянутого в странствиях Леандро и Китти.

¹ Leanne Illin, [Family History]; интервью, записанные автором 6B087, 1A265.

² Язык иррелевантный (англ. irrelevant — не относящийся к делу). Нарушение мышления и речи, при котором слова, фразы, высказывания имеют значение только для говорящего.

Версия Флоры, в отличие от рассказа Гарри, содержала многочисленные детали, которые придавали ей несколько другое измерение:

«Моя мать родила сына от моего отца, и полиция хотела забрать мою мать и моего брата и отправить их в миссию на Палм Айленд. Как только чёрная женщина рожала ребенка-полукровку, они отправляли её в миссию, чтобы скрыть тот факт, что белый человек имел отношения с чёрными женщинами, тогда был такой закон. И когда мой отец узнал, что они хотели это сделать, он сказал: „Нет, я женюсь на матери и спасу своего сына и её тоже спасу. За что её высылать туда — она же ни в чем не виновата? Это несправедливо. Зачем высылать её, когда я готов содержать её и заботиться о них обоих?“ Но они сказали, что это не полагается. В то время закон был такой, белый не мог жениться на чёрной. Когда мой отец об этом узнал, он сказал: „Им не забрать моего сына, им не забрать ни её, ни моего сына“. Он взял ружьё, и они пошли в густые заросли, в буш, моя мать и мой отец, и они жили как бушрейнджеры вместе с другими аборигенами. Полицейские искали их, но люди другого племени — там было тогда много чернокожих людей, большие племена — они предупредили моего отца и мою мать, с какой стороны идет полиция, а полицейским они говорили: „Они пошли в эту сторону“, в то время как они-то пошли в другую сторону. Это племя заботилось о моём отце и моей матери, следили за полицией и посылали полицейских в неправильном направлении. Так они прожили в буше месяцев девять, а может целый год. Пока они скрывались в буше, мой отец оставил их сына Дика со своими отцом и матерью. И

мой отец сказал: „Смотри, чтобы они его у тебя не забрали“. А мой дед ответил: „Они должны будут прежде убить меня, если они попытаются добраться до него“. Мой дед, должно быть, всегда был справедливым человеком, поэтому его и выгнали из России, потому что он видел, как несправедливо поступали с людьми. И теперь тут так хотят поступить с его внуком, — конечно же, он не позволит забрать его и отправить на Палм Айленд. Ему было всё равно, что он был темнокожим, для него главное была справедливость. Так они стали заниматься о Дике. Отцу пришлось выдержать тяжёлую борьбу, чтобы получить разрешение от главного протектора аборигенов для женитьбы на моей матери. Где-то в июле-августе 1915 года премьер-министр Квинсленда Гиллис приехал в Атертон, чтобы открыть новую линию железной дороги. На станции там собралось много людей. И вдруг мой отец подошёл к премьер-министру, рассказал ему свою историю и попросил его помочь получить разрешение на брак. Мой отец ни с кем не боялся говорить. А потом, когда Гиллис вернулся к себе, он отправил отцу разрешение жениться на моей матери. Это был уже сентябрь, они поженились в Иннисфейле. Я родилась в октябре 1915 года, через месяц после того как они поженились. Если бы отец не беспокоился о моей матери и брате, мы все трое оказались бы в миссии на Палм Айленд, и я, как многие дети-полукровки, так и не узнала бы, кто мой отец и откуда я родом».³

В отличие от истории Гарри, в рассказе Флоры было два узловых момента: нравственный

³ Письмо Флоры автору 16.08.1995, интервью 2B421, 2B475, 2B564, 6A021.

«МОЯ МАТЬ РОДИЛА СЫНА ОТ МОЕГО ОТЦА, И ПОЛИЦИЯ ХОТЕЛА ЗАБРАТЬ МОЮ МАТЬ И МОЕГО БРАТА И ОТПРАВИТЬ ИХ В МИССИЮ НА ПАЛМ АЙЛЕНД. КАК ТОЛЬКО ЧЁРНАЯ ЖЕНЩИНА РОЖАЛА РЕБЕНКА-ПОЛУКРОВКУ, ОНИ ОТПРАВЛЯЛИ ЕЁ В МИССИЮ, ЧТОБЫ СКРЫТЬ ТОТ ФАКТ, ЧТО БЕЛЫЙ ЧЕЛОВЕК ИМЕЛ ОТНОШЕНИЯ С ЧЁРНЫМИ ЖЕНЩИНАМИ, ТОГДА БЫЛ ТАКОЙ ЗАКОН. И КОГДА МОЙ ОТЕЦ УЗНАЛ, ЧТО ОНИ ХОТЕЛИ ЭТО СДЕЛАТЬ, ОН СКАЗАЛ: „НЕТ, Я ЖЕНЮСЬ НА МАТЕРИ И СПАСУ СВОЕГО СЫНА И ЕЁ ТОЖЕ СПАСУ. ЗА ЧТО ЕЁ ВЫСЫЛАТЬ ТУДА — ОНА ЖЕ НИ В ЧЕМ НЕ ВИНОВАТА? ЭТО НЕСПРАВЕДЛИВО. ЗАЧЕМ ВЫСЫЛАТЬ ЕЁ, КОГДА Я ГОТОВ СОДЕРЖАТЬ ЕЁ И ЗАБОТИТЬСЯ О НИХ ОБОИХ?“»

выбор героя и вмешательство всемогущего властителя, который восстановил справедливость. Последний элемент (вмешательство властителя) присутствует и в варианте истории, сохранившейся у потомков Люли, младшей дочери Леандро. Нола вспоминает, как её мать Люли рассказывала ей, что Леандро и Китти «поженились в Иннисфейле, и им пришлось получать разрешение у премьер-министра. Они увидели его на станции, он проезжал на поезде и давал детям по шиллингу каждому». Эта иррелевантная деталь — «давал детям по шиллингу каждому» — работает на образ всемогущего, богатого властителя. Он сродни доброму царю из русской сказки.

А вот в воспоминаниях Эрни, сына Флоры, который много общался с Леандро в детстве, Леандро предстает чуть ли не суперменом: «Когда он и Китти скрывались в буше, он сказал аборигенам-трекерам [следопытам], что если полиция узнает, где они скрываются, то трекеры первыми получают от него пулю»⁴.

«Я ПОСТУПАЮ ПОЧЕСТНОМУ»

Эти устные предания сохранились в семье Ильиных на протяжении восьмидесяти лет, и

⁴ Интервью с Нолой 6В009 и Эрни 2.01.1996

историк может заподозрить, что за это время факты в них были искажены. Я, однако, ценю семейные предания не меньше, чем факты. К счастью, во время моей поездки в Таунсвилл в 1996 году для интервью с Ильиными, Эрни получил долгожданное досье с архивными документами из департамента по делам аборигенов, о браке Леандро и Китти. Это даёт нам уникальную возможность сравнить, как документальные источники и устные предания отражают одни и те же события. Обратимся сначала к документам. Открывало досье письмо Леандро.

«Март 1915 г.

Главному протектору аборигенов

через г-на А. А. Пайка, констебля полиции, Юнгабурра

Сэр, мне непросто писать Вам, но бывают моменты в жизни человека, когда он должен это сделать. Я хочу получить разрешение на вступление в брак с аборигенкой по имени Китти Кларк. Я знаю её в течение последних четырех лет. Моя мать иногда нанимала её на работу. Она добрая женщина и воспитывалась у белых. Она принадлежит к одному из тех племен, которые когда-то насчитывали сотни человек, а ныне их осталось не больше горстки. Мой участок находится прямо на её земле. Я надеюсь, что после проверки меня Вы не откажете мне

в разрешении. Я хотел приехать и поговорить с Вами лично, но поездка в Брисбен стоит дорого, и у меня тут дел невпроворот. ...чёрные здесь — голодающие бедолаги, и вы сослужите ей хорошую службу, дав разрешение на брак. Я мог бы написать Вам намного больше, но едва ли это нужно. Что касается меня, то я не пью, не курю и не играю в азартные игры. ... Некоторые советовали мне не писать Вам, но я решил по-другому, поскольку Ваша должность говорит мне, что вы работаете на благо чёрных, и едва ли есть лучший путь помочь Китти. Будет очень прискорбно, если свершится зло, и её заберут с её родной земли. Я не знаю законов этой страны, но я думаю, что я поступаю по-честному. Надеюсь, Вы поймёте меня и поступите справедливо.

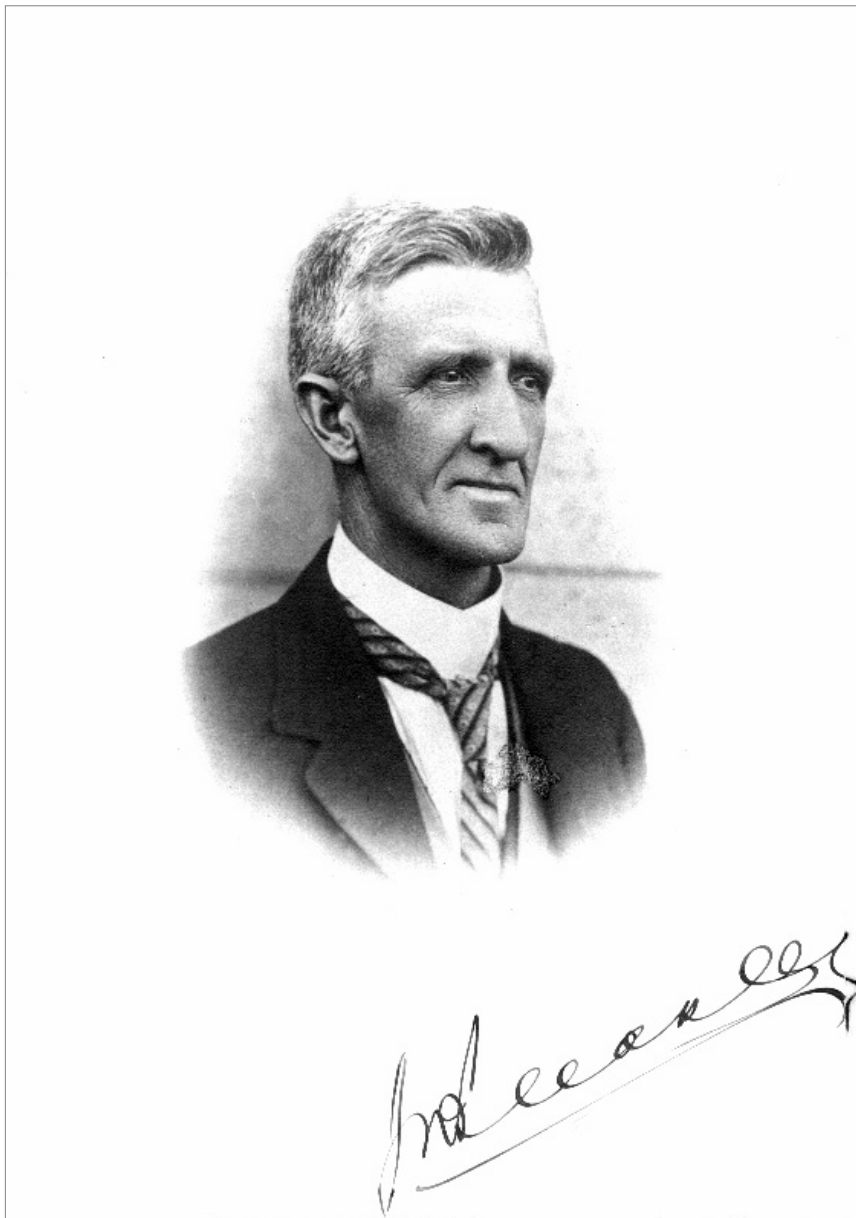
Ваш покорный слуга

Леандро Ильин

Пирамон. Гадгарра. Через Кэрнс, Сев. Квинсленд

Примечание: Если вы предполагаете, что мне всё-таки следует приехать в Брисбен, я попробую собрать необходимую сумму, хотя дополнительные расходы для человека, который только начал осваивать свой земельный надел, вещь непростая. Л.И.»

Письмо сопровождалось запиской от юнгабуррского констебля Альфреда Артура Пайка.

Дж. У. Бликли

«27 марта 1915 г. ... Обе стороны хорошо известны мне лично, и Ильин имеет хорошую репутацию. Аборигенка — чистокровная чёрная с реки Расселла, и у неё есть три чёрных **пиканини** [малыша], она умная женщина в пределах, отпущенных чёрным. Я думаю, что Ильину можно предложить подождать полгода, чтобы убедиться, что он по-прежнему будет иметь те же намерения, поскольку чёрные здесь не приспособились к цивилизованной жизни и Ильин направляется на неприятности».

29 марта 1915 г. атертонский протектор Джордж Саттон добавил своё мнение к записке:

«Я знаю заявителя на протяжении полугода, он очень хороший работник. Я не имею каких-либо возражений против его женитьбы на этой **джин** [женщине]».

Десять дней спустя главный протектор аборигенов, Джон Уильям Бликли, находившийся в Брисбене, написал свою резолюцию на той же бумажке:

«Я противник браков между чистокровными аборигенками и белыми мужчинами и особенно

в таких случаях, как этот, когда у женщины три аборигенских **пиканини**. Верните Ильину его документы и сообщите ему, что я не могу удовлетворить его просьбу. Возможно, было бы разумнее удалить женщину и **пиканини** в резервацию. 9.4.15.»

Двадцать дней спустя он ещё раз вернулся к этой записке, приписав в уголке:

«Запросите Атертонского протектора аборигенов ещё раз, считает ли он, что было бы разумнее удалить женщину и детей, более безопасно. 29.4.15»

Вот так, на уголке листика бумаги в линейку хладнокровно решалась судьба человека.

Джон Уильям Бликли — это был он, злой герой Блэкли из предания Гарри Иллина. Родившийся в 1879 г., он был почти ровесником Леандро. Противостояние между ними имело глубокие корни. Один — сын русского дворянина и писателя, одержимого «идеями», не достигший, как кажется, к своему тридцатилетию ничего, кроме тяжёлого физического труда на своём участке земли, но для которого демократическое и честное отношение ко всем окружающим были единственным путём в жизни. Вторым был сыном австралийского котельщика, чья карьера — государственный служащий в 1899 г., главный протектор аборигенов в 1914 г. — символизировала успех австралийской демократии, но сам он отнюдь не был демократом в подлинном смысле этого слова. Константин Бальмонт, побывавший в Австралии в 1912 году, отметил эту особенность английского общества, перенесённую в колонию: «Англичане уничтожили красивые смуглоликие племена тасманийцев, и от них не осталось ни следа.... Жестокость англичан превосходит жестокость испанцев при покорении последними Мексики. Творцы политической свободы,

они не могут понять просто человеческой свободы»⁵.

Но, надо отметить, что положительная роль Бликли в делах аборигенов была признана его современниками и, более того, он считался в те дни либералом. Энциклопедия аборигенской Австралии» даёт ему сбалансированную характеристику: «К концу 1920-х годов он был хорошо известным по всей Австралии авторитетом в области благосостояния аборигенов. ... Его профессиональные знания основывались на здравом смысле, усердной работе и накопленном опыте, а не на широкообразовании и профессиональной подготовке в области социальной антропологии или туземной администрации. Хотя и чёрные, и белые помнят его за его милосердие, его подход был тем не менее узким и патерналистским. Его горячая защита сегрегации, его давняя озабоченность „проблемой полукровок“ ... и его постоянное теоретизирование на тему „породы“, „крови“ и „чистоты расы“ показывают, что он был во власти расовых идей, ныне дискредитированных»⁶.

Да, это обязанность историка дать сбалансированный портрет исторического деятеля, но для меня весь его вклад в сферу благосостояния аборигенов не может перевесить те страдания, на которые он собирался обречь Китти и её детей, те страдания, на которые он обрек сотни её соплеменников, чью историю уже никто не расскажет.

⁵ Дубас В. Океания. Лекции К. Д. Бальмонта. – Вокруг света. 1913, № 44, с. 717.

⁶ R. Evans, 'Bleakley, John William', in Australian Dictionary of Biography [ADB], vol.7, Melbourne, Melbourne University Press, 1979, pp.325–26; I. Howie—Willis, 'Bleakley, J.', in The Encyclopedia of Aboriginal Australia, vol.1, Canberra, Aboriginal Studies Press, 1994, pp.134–35.

...А тем временем Бликли продолжал настаивать на своём «совете», на этот раз уже на официальном бланке.

«5 мая 1915 г. Протектору аборигенов, Атертон.

Относительно аборигенской джин Китти Кларк, которой было отказано в разрешении на брак с натурализованным русским Леандро Иллин, пожалуйста, сообщите мне, считаете ли Вы, что было бы разумнее в связи с этим отказать удалить эту женщину и её детей в резервацию».

После третьего напоминания, Атертонский протектор, Джордж Саттон, который, как кажется, первоначально не предпринимал никаких действий против Китти, последовал совету своего начальника:

«12 мая 1915 г. Главному протектору аборигенов. Относительно аборигенской джин Китти Кларк и её трёх детей. Я полагаю, что будет разумным выслать их в миссию. Джордж Саттон».

Итак, шар покатился. Бликли немедленно переслал записку Саттона в министерство внутренних дел с припиской: «Рекомендована высылка в Халл Ривер». Через несколько дней высылка была одобрена, и 24 мая 1915 г. был издан «Приказ о высылке аборигенов» в соответствии с Законом о защите аборигенов.

«Всем верхним и нижним чинам полиции, тюремным служащим и другим лицам, которых это может касаться. Я, достопочтенный Кеннет Макдональд Грант [заместитель] министра внутренних дел штата Квинсленд, ... приказываю, чтобы четверо нижепоименованных аборигенов были высланы из Юнгабурры в районе Кэрнса в резервацию Халл Ривер согласно причинам, указанным вслед за соответствующими именами.

№ 1

Имя: **Китти Кларк**

Правонарушение и причина высылки: **Для её собственного блага**

№ 2, 3, 4

Имя: **Её трое детей**

Правонарушение и причина высылки: **Для сопровождения матери».**

Закон был скрупулёзно соблюден; мольба Леандро — «Будет очень прискорбно, если свершится зло и её заберут с её родной земли. Я не знаю законов этой страны, но я думаю, что я поступаю по-честному» — была подшито в дело. Только трагедия джин с тремя безымянными пиканини никого не волновала — ведь высылка была «для её собственного блага». Впрочем нет, одна вещь волновала Бликли. Приказ о высылке сопровождался его запиской Атертонскому протектору:

«26 мая 1915 г. Проверьте, пожалуйста, чтобы эта женщина, когда её будут вывозить, взяла с собой одеяла, которые ей возможно были выданы, а также одежду, которую она может иметь».

И внезапно эта огромная, сложенная государственная машина застопорилась, остановленная одиноким воином, безвестным русским фермером с далёкого севера Квинсленда:

«12 июля 1915 г. Хербертон. Срочная телеграмма У. Гиллису, члену законодательного собрания парламента. Брисбен.

Я обратился к главному протектору аборигенов через полицию в Юнгабурре за разрешением на брак с матерью моего ребенка-полукровки. Ответа не получил. Полиция ловит женщину. Послал новое заявление. Кто, как не я, должен заботиться о моём ребенке и его матери? Не могу видеть, что его заберут в миссию. Прошу встретиться

КОНСТАНТИН БАЛЬМОНТ, ПОБЫВАВШИЙ В АВСТРАЛИИ В 1912 ГОДУ, ОТМЕТИЛ ЭТУ ОСОБЕННОСТЬ АНГЛИЙСКОГО ОБЩЕСТВА, ПЕРЕНЕСЁННУЮ В КОЛОНИИ: «АНГЛИЧАНЕ УНИЧТОЖИЛИ КРАСИВЫЕ СМУГЛОЛИКИЕ ПЛЕМЕНА ТАСМАНИЙЦЕВ, И ОТ НИХ НЕ ОСТАЛОСЬ НИ СЛЕДА.... ЖЕСТОКОСТЬ АНГЛИЧАН ПРЕВОСХОДИТ ЖЕСТОКОСТЬ ИСПАНЦЕВ ПРИ ПОКОРЕНИИ ПОСЛЕДНИМИ МЕКСИКИ. ТВОРЦЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СВОБОДЫ, ОНИ НЕ МОГУТ ПОНЯТЬ ПРОСТО ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ СВОБОДЫ».

с протектором. Вечно благодарный искренне Ваш Леандро Иллин. Ответ оплачен».

С этого момента шар покотился в обратном направлении. Дэвид Боуман, министр внутренних дел в новообразованном лейбористском правительстве написал резолюцию на телеграмме: «Министерству внутренних дел приостановить выполнение приказа о высылке и получить новый полицейский отчет».

Уильям Гиллис и Дэвид Боуман — два политических деятеля, которым Леандро будет благодарен всю жизнь и передаст эту благодарность своим детям. Они оба были лейбористами, и пришли в политику из трудовой среды — Гиллис был фермером, а Боуман сапожником. Гиллис имел участок земли в Атертоне и был выбран от этого округа в парламент в 1912 г. В течение нескольких лет он был министром сельского хозяйства, а в 1925 г. ненадолго стал премьер-министром Квинсленда. В результате распоряжения Боумана, Бликли вынужден был послать телеграмму протектору в Атертоне:

«Действие приказа о высылке Китти и трёх детей приостановлено решением министра внутренних дел. Пожалуйста, телеграфируйте, является ли Леандро Иллин отцом ребенка-полукровки Китти. 14/7/1915».

На следующий день Саттон телеграфировал ответ: «По Вашей телеграмме от четырнадцатого Леандро Иллин сейчас в Бабинде около Кэрнса предположительно Китти и дети с ним». 17 июля он послал

новую телеграмму: «Леандро Иллин вернулся в Юнгабурру с Китти и детьми». И, наконец, 7 августа юнгабуррский полицейский А. Пайк записал показания Леандро, пытаясь втиснуть его живой язык в сухой полицейский документ:

«Леандро Иллин заявляет: я натурализованный британский подданный русского происхождения. Я родился в России. Я знаю аборигенку Китти Кларк, которая была записана на работу к моей матери в прошлом году в Гадгарре. Китти Кларк родила полукровку-аборигена мальчика 4 июля прошлого года, я являюсь его отцом. Я держал ребёнка у себя, а мать его ежедневно навещала. Я даю еду матери тоже. Я отношу еду в лес, где встречаюсь с этой аборигенкой и даю еду ей и её четырем детям. У Китти трое детей кроме полукровки. Аборигенка живёт в лесу милях в двух от моего дома. Я держал ребёнка в своём доме в лесу, а его мать была в Бабинде и Хербертоне, скрываясь от полиции, чтобы её не выслали в миссию. Я подал заявление, чтобы жениться на Китти Кларк и всё ещё хочу жениться на Китти Кларк и содержать её четверых детей. Я не скажу, что я держал Китти Кларк у себя. Когда у меня была связь с Китти, я находился в лесу, а не в своём доме или в доме своего отца. Я думаю, что самым лучшим было бы мне жениться на Китти Кларк и содержать её. Я полагаю, что Китти беременна, фактически я в этом уверен. Я полагаю, что она ждёт ещё

одного ребенка от меня. Она должна быть на пятом или шестом месяце беременности. Леандро Иллин».

Несомненно, что неуклюжее отрицание Леандро того, что Китти и дети уже жили с ним, было вызвано тем, что он познакомился с законом Белой Австралии: сожительство с аборигенкой в своём доме формально было нарушением закона.

Показания Леандро сопровождал собственный отчет констебля Пайка.

«11 августа 1915 г. ... Я прилагаю показания Иллина, который очень неохотно давал мне информацию по этому вопросу, поскольку у него сложилось впечатление, что я пытаюсь найти основания для его преследования, если он признает, что он незаконно впускал Джин в своё жильё. Его впечатление было, конечно, правильным, но я не смог получить необходимые показания. Хотя аборигенка не раз находилась у него дома, мне не удавалось захватить её там, поскольку дом находится в густом лесу на значительном расстоянии от Юнгабурры. Леандро Иллин — отец ребёнка-полукровки Китти, которому одиннадцать месяцев. Он также заявляет, что он — отец ребёнка, которого ждёт Китти Кларк, хотя я думаю, что есть сомнения — он ли является отцом этого ребёнка или один из чёрных».

Пайк не мог удержаться, чтобы хоть как-то не осквернить отношения Леандро и Китти. Но продолжим его донесение.

«Главное, как кажется, что беспокоит Иллина — это его ребенок, а также еще не родившийся ребёнок, который по мнению Иллина тоже его. Если Иллин получит разрешение жениться на Джин Китти, он будет содержать этих детей, а также трёх других чистокровных детей Китти. Пока эта аборигенка будет здесь, дело не успокоится, и поскольку Иллин не лучше Джин, я бы рекомендовал дать ему разрешение на брак с ней. Если в разрешении будет отказано, Иллин будет беспокоиться о детях, и он угрожает застрелиться и застрелить Джин, так что я не вижу, зачем ему отказывать в браке, если он хочет жениться. Китти Кларк — смышленная аборигенка и по мнению его русских соседей она ему подходит. Я думаю, что если разрешить аборигенке выйти замуж за Иллина, то он о ней будет хорошо заботиться, собственно говоря ей будет гораздо лучше, чем сейчас, когда она скрывается в буше, и проиграет здесь только Иллин, если он на ней женится. Я думаю что теперь, раз у неё двое детей от него, только справедливо будет если он женится, и я не думаю, что получится что-либо хорошее, если послать аборигенку в Халл Ривер. Ни Иллин, ни Китти Кларк не доставляли мне беспокойства и очевидно оба прежде вели себя хорошо».

24 августа 1915 года министр внутренних дел Дэвид Боуман сделал пометку на этом донесении: «Согласно открывшимся обстоятельствам разрешить заключение брака».

Мы можем только представить, с какой неохотой два дня спустя — 26 августа 1915 г. — Бликли пришлось добавить свои инструкции на том же листке бумаги, под резолюцией Боумана:

«1. Разрешение протектору аборигенов в Атертоне. 2. Сообщить У. Гиллису. 3. Информировать комиссионера полиции о данном решении, которое отменяет ордер на высылку».

На следующий день офис главного протектора аборигенов выслал «разрешение на брак» протектору в Атертоне, который в свою очередь поручил констеблю Пайку доставить его Леандро. А Бликли тем временем должен был послать письмо с объяснениями Гиллису.

«31 августа 1915 г.

Сэр,

В связи с Вашим собеседованием с заместителем главного протектора аборигенов в июле относительно заявления Леандро Иллина из Юнгабурры о разрешении на брак с аборигенкой Китти Кларк, я сообщаю Вам, что разрешение на брак было выслано протектору аборигенов в Атертоне 27 числа сего месяца.

Ваш покорный слуга

Главный протектор аборигенов».

Это письмо делает совершенно ясным собственноручное вмешательство Гиллиса в дело Леандро, которое он держал под своим личным контролем.

7 сентября 1915 г. констебль Пайк сообщил, что он вручил Иллину «Разрешение жениться на Джин Китти». А через неделю Протектор аборигенов Иннисфайла доносил, похоже с некоторым замешательством, главному протектору:

«14 сентября 1915 г.

Сэр,

По браку Китти Кларк (Або) и Леондра Албин. Грек или южноевропейский иностранец пришёл сегодня в Иннисфейл с реки Расселла в сопровождении женщины аборигенки по имени Китти, у него было разрешение на брак с Китти. Их поженил сегодня в Иннифайле

Уильям Симсон, эсквайр и мировой судья, который имеет полномочия заключать браки».⁷

Леандро расписался на свидетельстве о браке, а Китти поставила крест. Вернувшись в Гадгарру, они поселились в лесной хижине Леандро. Через месяц родилась их дочь Флора».

* * *

Сравнивая события, сохранившиеся в памяти потомков Леандро и Китти, с документами в архивном досье, мы обнаруживаем ряд расхождений, но в целом эти два источника дополняют друг друга. Например, согласно версии Флоры, после того, как полиция попыталась вывезти Китти и сына Леандро на Палм Айленд, Леандро принял решение жениться и начал борьбу за разрешение на брак. Согласно документам — именно заявление Леандро о женитьбе на Китти спровоцировало приказ о её высылке. Но ведь нельзя исключить возможность того, что Леандро и Китти знали об угрозе её высылки, которая повисла над ней после рождения ребёнка-метиса. Согласно документам, он хотел поступить по совести в отношении женщины, которая родила от него ребенка — «Я поступаю почестному», — писал он в первом письме. Объяснение Флоры — «я женюсь на матери и спасу своего сына» — кажется не таким идеалистическим, но более земным и понятным.

Уверенность всех рассказчиков в том, что полиция хотела выслать Китти на Палм Айленд, объясняется широко распространённым среди местных аборигенов страхом — им Палм Айленд представлялся «сущим адом».⁸ В действительности, приказ о

⁷ QSA: CPA, 15/1064, 15/1543, 15/2204, 15/2212, 15/2241, 15/2536.

⁸ Short, The Nation Builders, p.61.

ПРОТЕКТОР АБОРИГЕНОВ ИННИСФАЙЛА ДОНОСИЛ, ПОХОЖЕ С НЕКОТОРЫМ ЗАМЕШАТЕЛЬСТВОМ, ГЛАВНОМУ ПРОТЕКТОРУ: «14 СЕНТЯБРЯ 1915 Г. СЭР, ПО БРАКУ КИТТИ КЛАРК (АБО) И ЛЕОНДРА АЛБИН. ГРЕК ИЛИ ЮЖНОЕВРОПЕЙСКИЙ ИНОСТРАНЕЦ ПРИШЁЛ СЕГОДНЯ В ИННИСФЕЙЛ С РЕКИ РАССЕЛЛА В СОПРОВОЖДЕНИИ ЖЕНЩИНЫ АБОРИГЕНКИ ПО ИМЕНИ КИТТИ, У НЕГО БЫЛО РАЗРЕШЕНИЕ НА БРАК С КИТТИ. ИХ ПОЖЕНИЛ СЕГОДНЯ В ИННИФАЙЛЕ УИЛЬЯМ СИМСОН, ЭСКВАЙР И МИРОВОЙ СУДЬЯ, КОТОРЫЙ ИМЕЕТ ПОЛНОМОЧИЯ ЗАКЛЮЧАТЬ БРАКИ».

высылке был в миссию Халл Ривер, но, конечно, Китти об этом не знала. Символизм Палм Айленда придает истории Флоры дополнительное измерение, делая угрозу более зловещей, чем высылка на Халл Ривер, с которой не связан подобный символизм.

Самый драматический эпизод этой истории, когда на протяжении нескольких месяцев Леандро прятался с Китти в лесу «как бушрейнджер», а затем предстал перед Гиллесом во время его визита в Атертон, совсем не нашёл отражения в архивном досье. Можно было бы предположить, что эта драматизация возникла как более позднее приукрашивание. Да и кроме того, в традиционной культуре аборигенов любовники, чей союз противоречил закону, часто скрывались в буше и оставались там до разрешения конфликта. Эта давняя традиция могла бы объяснить, почему именно этот эпизод пользуется такой популярностью у потомков Китти. Но все эти рассуждения о том, что могло быть правдоподобным, а что — нет, не подходят, когда речь идёт об Ильиных, которые не колеблясь превращали легенду в жизнь. Леандро сам подтвердил, что драматический «бушрейнджерский» эпизод действительно имел место. Он писал в письме министру внутренних дел от 27 апреля 1919 г.:

«Как я женился и почему, Вам мог бы рассказать У. Гиллес, так как он помог мне, после того, как главный протектор аборигенов г-н Бликли отказался дать мне разрешение

*на брак и приказал выслать Китти (ныне мою жену) на миссионерскую станцию. Не желая, чтобы мои дети оказались в миссии, я ушёл в буш и попал там в переплёт. И если бы не У. Гиллис и Д. Боуман я, возможно, плохо бы кончил, поскольку я ни за что бы не отдал своих детей в миссию».*⁹

Теперь очевидно, что вмешательство Гиллиса в дело Леандро было вызвано отнюдь не телеграммой Леандро, процитированной выше; и не случайно Гиллис держал это дело под своим личным контролем. Просмотр местной атертонской газеты подтвердил, что Гиллис действительно посетил Атертон 28 июня 1915 г. (за две недели до вмешательства в дело Леандро) и что он вместе с делегацией местных жителей ждал на платформе прибытия министра железнодорожного транспорта с просьбой проложить железнодорожную ветку из Пирамона на золотые прииски в Бунджи¹⁰. Именно в этот момент Леандро и мог обратиться к нему за помощью. Тот факт, что потомки Леандро сделали Гиллиса премьер-министром (в 1915 г. он был членом законодательной ассамблеи, став премьером лишь ненадолго в 1925 г.) просто отражает закон построения сказки, где, если герой, — то уж царь!

История Гарри о драматическом побеге Китти и Леандро по реке Расселла в Иннисфейл, для

заключения брака (когда Китти была уже на 8 месяце беременности!), может показаться на первый взгляд гиперболой, т. к. мы знаем, что к тому времени полицейский вручил Леандро разрешение на брак. И всё же строка в донесении протектора Иннисфейла — «иностранец пришёл сегодня в Иннисфейл с реки Расселла в сопровождении женщины-аборигенки» — указывает на то, что побег вдоль этой реки имел место. Очевидно, что Леандро решил не идти с полученным разрешением на брак в соседние посёлки (Атертон или Толгу), потому что этот район оставался под контролем местной полиции и протектора, который вылавливал Китти на протяжении нескольких месяцев, человека, которому Леандро имел все основания не доверять. Да и формально приказ о высылке Китти с детьми в миссию был возвращён местным полицейским в офис главного протектора только после того, как Китти и Леандро поженились.

Итак, архивные документы говорят свою правду, объективную правду, но семейные предания, со всеми их неизбежными искажениями, имеют свою собственную правду. Эти предания добавляют существенный элемент в богатые, но сухие исторические факты, выделяя, усиливая и сохраняя ключевые моменты, структурируя и заостряя всю историю. Если бы не Флора и Гарри, эти факты никогда бы не стали столь памятными, и не смогли бы стать неотъемлемой частью жизни молодого поколения Ильиных. ■

⁹ QSA: CPA, 19/1649.

¹⁰ Atherton News and Barron Valley Advocate, 3 July 1915.